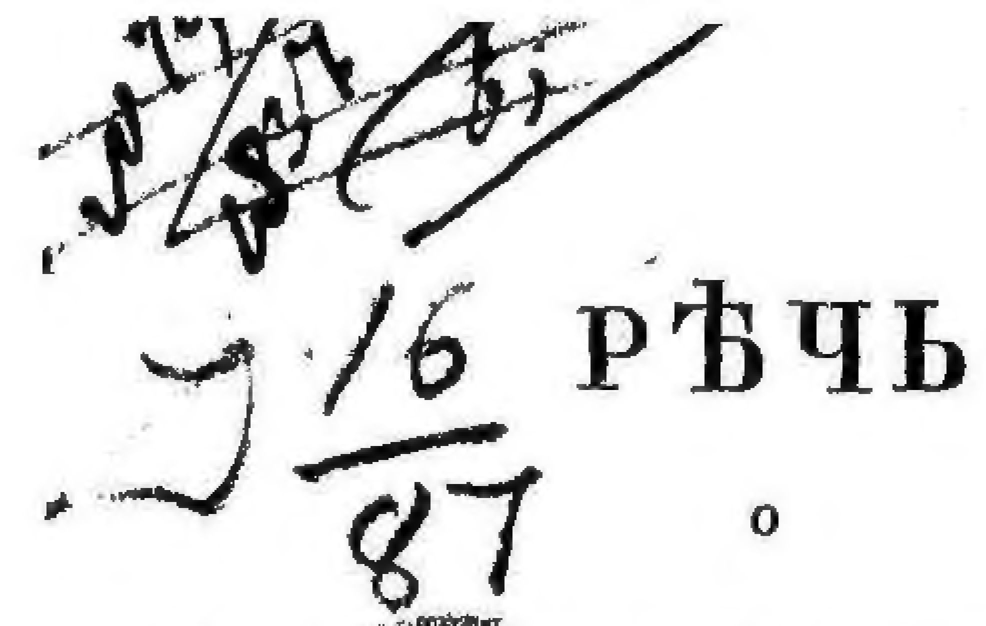

РѢЧЬ

о

Литературныхъ совершенствахъ

Русскаго языка,

говоренная

при освященіи новаго зданія

ИМПЕРАТОРСКАГО

Александровскаго Университета

Профессоромъ

Сергѣемъ Соловьевымъ.

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ

Въ Типографіи Г. О. Васеніуса.

1833.

Imprimatur.

F. Granbom.

Почтеннѣйшіе посѣтители, наградившіе насъ своимъ присутствіемъ при обновленіи сего храма наукъ! Вы, трудолюбивые сподвижники на великомъ поприщѣ просвѣщенія, дѣятельные жрецы сего храма! и Вы, юные питомцы Музъ, для образованія коихъ попечительное правительство соорудило храмъ сей! Удостойте благосклоннымъ вниманіемъ вашимъ малоопытнаго, но тѣмъ не менѣе ревностнаго поборника просвѣщенія, который сіи нововоздвигнутыя стѣны великолѣпнаго Священилища наукъ и сіе Блистательное Собраніе хочетъ огласить звуками словъ, — для нѣкоторыхъ, можетъ быть, новыми, — звуками словъ народа, который подъ благословенною Державою Царей — любителей и покровителей наукъ, подобно древнимъ Римлянамъ, пожиная лавры громкихъ побѣдъ, любитъ насаждать и оливы, подъ сѣнисто'о

и мирною шѣнію коихъ семена просвѣщенія произрастали бы, зрѣли и приносили сладкіе плоды, — звуками словъ народа, который, очершивъ для себя мечемъ великое пространство въ двухъ частяхъ свѣта, неразрушаетъ, подобно Вандаламъ новѣйшихъ временъ, вѣковые храмы наукъ, — но воздвигаетъ еще новые; не разоряетъ мирныя убѣжища Музъ, но строитъ имъ великолѣпныя святилища; не гонитъ сподвижниковъ просвѣщенія, но сильною рукою побораетъ имъ! Да будетъ сему краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ сіе величественное зданіе Университета, для торжественнаго обновленія коего мы стеклись сюда Пп. Сс. Да гласитъ оно настоящимъ и грядущимъ вѣкамъ, что Герои Сѣвера, потрясшіе сердце Балкановъ и Арарата, — раздявившіе гидру, зашипѣвшую было на берегахъ Вислы, сутъ также мирные поклонники Минервы, усердные чтители Музъ и Аполлона!

Да позволено будетъ мнѣ, Бб. Сс. въ сей торжественный день сказать нѣсколько словъ о языкѣ того народа, который одною рукой держитъ грозный для враговъ мечь, а дру-

гою сыплешъ масличныя вѣтви на пути наукъ и просвѣщенія!

Языкъ какаго либо народа есть ясный отпечатокъ его физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ силъ. Живъ и выразителенъ языкъ — бодръ и могущественъ народъ; силенъ и величественъ языкъ — твердъ и мужественъ народъ; пріятенъ и сладостенъ языкъ — нѣженъ и чувствителенъ народъ; обработанъ и чистъ языкъ, — просвѣщенъ и образованъ народъ; скажу болѣе: цѣломудренъ и дѣвственененъ языкъ — скроменъ и добронравенъ народъ. — Посему одни только памятники языка и Словесности могутъ свидѣтельсствовать о совершенствѣ физическихъ, нравственныхъ и умственнихъ силъ народа, и по симъ только памятникамъ мы можемъ яснѣе и безошибочнѣе судить о степени просвѣщенія и образованія онаго. Нѣмыя громады, многія тысящелѣтія тяготящія берега гордаго Нила, удовлетворяютъ ли вполнѣ лыбознательнаго изыскателя древности? Всѣ глубокомысленныя изслѣдованія неутомимыхъ Зоэговъ, всѣ остроумныя догадки Шампольоновъ и дальновидныя соо-

браженія Стоновъ не остаются ли тщетными попытками, темными сказаніями таинственной Пиѳіи — безъ ясной и понятной системы языка древнихъ строителей вѣчныхъ пирамидъ, — безъ памятниковъ языка книжнаго и Литературнаго? Не съ Гомеромъ ли въ рукахъ мы знакомимся съ древними героями классической Эллады? Не сей ли божественный слѣпецъ объяснилъ намъ духъ, нравы и первобытный образъ жизни племенъ Эллина и Даная! Не нужно другихъ доказательствъ для подтвержденія несомнѣнной истины, что одинъ только языкъ показываетъ степень образованности народа, его нравственныя силы и состояніе ума во всѣхъ неизчислимыхъ отрасляхъ наукъ и познаній.

Посему то Русскій языкъ, потомокъ великаго предка, — языка Славянскаго, достоинъ нашего вниманія; — имъ говорятъ достойные потомки мужественныхъ Славянъ Россіяне, на коихъ уже давно съ завистливымъ изумленіемъ смотритъ вся Европа. Мы не будемъ судить о семъ языкѣ съ слѣпымъ пристрастіемъ сыновнимъ, съ пылкимъ чув-

ствомъ жаркаго патріотизма; но взглянемъ на оный холоднымъ окомъ строгаго Филолога и тогда увидимъ во всей наготѣ всѣ совершенства и всѣ недостатки его. Трудно Русскому удержать, хотя на нѣсколько минутъ, любовь къ отечественному; не легко, хотя на одно мгновеніе, заглушить сей священный голосъ, столь сильно вопіющій въ сердцѣ, привыкшемъ отъ колыбели любить все родное; но долгъ судіи безпристрастнаго принуждаетъ укротить порывы сердца, чтобъ произнесть судъ правый!

Русскій языкъ, происходя отъ обширнаго семейства языковъ Славянскихъ, коими говорили и теперь говорятъ многіе племена, заселившія Сѣверъ и среднія части Европы, долженъ заслуживать наше вниманіе не по политическому величію и силѣ народа, говорящаго онымъ, не по обширности странъ, въ которыхъ онъ содѣлался господствующимъ, не потому, что отъ береговъ моря Балтійскаго до береговъ Сѣверной Америки, отъ Ледовитаго моря до странъ въ Европѣ, заселенныхъ племенами Германскими, въ Азіи Монгольскими; — отъ Торнео до Кяхты и

отъ Нѣмана до пролива Берингова — вездѣ слышны звуки онаго; — не потому, что бѣдный Лопарь и трудолюбивый Финнъ, домовитый Остзеецъ и воинственный нѣкогда Монголъ, безобразный Тунгусъ и величавый Персъ, дикой наѣздникъ Черкесъ и миролюбивый Камчадалъ, смѣтливый Армянинъ и богатый Индѣецъ; — словомъ, различный образъ и языкъ повторяютъ ежедневно слова Русскія: нѣтъ! онъ самъ по себѣ, по собственнымъ своимъ качествамъ, по Богатству и Разнообразію, по Величію и Силѣ, Пріятности и Сладкозвучію, по Живописности піитической и по многимъ другимъ совершенствамъ Литтературнымъ долженъ быть для насъ примѣчателенъ.

Остановимъ наше вниманіе Пп. Сс. только на нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ мною качествъ языка Русскаго — напр. на Богатствѣ онаго. Сокровищницы языка Русскаго неисчерпаемы. Онѣ въ наслѣдственномъ переходѣ отъ богатыхъ языкомъ предковъ къ умному и распорядительному потомству неистощились, но еще болѣе пріумножились.

Богат-

Богатство языка, по моему мнѣнію, можетъ быть двоякое: вещественное и искуственное. Языкъ считается богатымъ по обилію коренныхъ словъ, по числу словъ производныхъ, по большему или меньшему количеству словъ синонимическихъ или равнознаменательныхъ. Сіи основныя и, такъ сказать, капитальныя сокровища языка составляютъ вещественное богатство онаго. Языкъ *можетъ быть богатъ обиліемъ формъ*, выраженій, оборотовъ, измѣненій Грамматическихъ, механическимъ устройствомъ и проч. Сіи наружныя принадлежности языка составляютъ богатство онаго искуственное. По сему различію нѣкоторые языки могутъ изобиловать сокровищами вещественными,— какъ напр: Еврейскій, Арабскій, Славянскій; другіе богатствами искуственными, какъ то: Англійскій, Французскій, Итальянскій, Турецкій, Персидскій, иные же наконецъ богаты и тѣми и другими сокровищами, напр: Греческій, Латинскій, Нѣмецкій и проч. Русскій языкъ, безъ всякаго сомнѣнія, долженъ принадлежать къ отдѣленію послѣднихъ; ибо съ неисчерпаемыми богатствами веще-

ственными мы найдемъ въ немъ великое изобиліе сокровищъ искусственныхъ.

Говоря о богатствѣ Русскаго языка, особенно въ отношеніи искуственномъ, нельзя не упомянуть о гибкости онаго и разнообразіи формъ. Подъ первымъ качествомъ я разумѣю ту удивительную, ту рѣдкую способность языка, съ каковою онъ принимаетъ всѣ возможныя измѣненія и формы, какъ Грамматическія, такъ и Риторическія. Кто хотя нѣсколько познакомился съ теоретическою частію языка Русскаго, тому ненужно говорить о великомъ разнообразіи формъ онаго, о множествѣ окончаній для составленія всѣхъ видовъ словъ, о различныхъ формахъ склоненій и спряженій; словомъ о всѣхъ измѣненіяхъ Грамматическихъ, коими сей языкъ стольже обиленъ, какъ Латинскій и Греческій. Богатство формъ и измѣненій Грамматическихъ, по мнѣнію опытнѣйшихъ Филологовъ, содѣйствуетъ многимъ, необходимымъ совершенствамъ языка, особенноже ясности и легкости въ выраженіи мыслей и чувствованій.

Послѣ совершенствъ собственно Этимологическихъ, коими языкъ Русской стоитъ выше многихъ новѣйшихъ языковъ Европейскихъ, поищемъ въ немъ качествъ болѣе возвышенныхъ, болѣе Литературныхъ, болѣе Эстетическихъ; — поищемъ качествъ такихъ, кои не останавливаютъ опытнаго художника въ *отдѣлкѣ* творческихъ его произведеній, кои, какъ Стихотворцу, такъ и Оратору *предлагаютъ матеріалъ не грубый* и упорный, но очищенный и послушный. — При семъ случаѣ мы не будемъ слишкомъ самолюбивы; не будемъ съ гордостію повторять, слѣдуя нѣкоторымъ изъ нашихъ писателей-ветерановъ, что языкъ нашъ уже достигъ полнаго Литературнаго совершенства. — Нѣтъ! мы съ скромнымъ сознаніемъ скажемъ, что онъ еще на пути къ сему совершенству и не достигъ еще онаго, не смотря на усилія великаго числа писателей, *трудившихся и трудящихся надъ его образованіемъ*, надъ правильностію, чистотою, изящностію и другими качествами, необходимыми для полученія правъ гражданства въ республикѣ образованныхъ языковъ Европы; но также и не будемъ слишкомъ скромны;

съ смѣлою увѣренностію, твердо произнесемъ, что нашъ юный, но могучій Атлетъ уже на срединѣ своего поприща, уже обгоняетъ многихъ изъ своихъ сверстниковъ и скоро, скоро, оставивъ ихъ всѣхъ за собою, съ торжествомъ достигнетъ своей цѣлы!..

Къ числу высшихъ совершенствъ языка я отному тѣ, кои болѣе опредѣляютъ достоинства онаго Литературныя, — каковы суть: Величіе и Сила, Пріятность и Благозвучіе, Естественная Живописность, или, если можно такъ выразиться, — Природный Піитизмъ языка. Всѣ сіи совершенства мы съ избыткомъ найдемъ въ языкѣ Русскомъ.

Языкъ есть голосъ души, объясняющій всѣ сокровенныя, всѣ тайныя дѣйствія и пружины силъ ея. Человѣкъ, не укрѣпившійся духомъ, не созрѣвшій внутреннею жизнію, не раскрывшій божественныхъ силъ ума, дарованныхъ ему свыше, нѣмъ и безгласенъ, подобно животному безсловесному, — или глумливъ и косноязыченъ, подобно младенцу, лепечущему непонятные звуки, натверженные ему мамкою. Но чѣмъ крѣпится и му-

жаетъ духъ нашъ? Чѣмъ зрѣетъ внутренняя жизнь наша? Чѣмъ раскрываются божественныя силы ума? Теплотою Вѣры и свѣтомъ наукъ! — Въ первой мы уже давно укрѣпились; живительная теплота Вѣры Христіанской уже давно проникла въ сердца Россіянъ; но свѣтъ наукъ при самомъ лучезарномъ возженіи былъ погашенъ рукою Восточныхъ варваровъ. — Умственное образованіе остановлено было среди самаго быстраго его начала и языкъ Русскій, въ сравненіи съ прочими образованными языками Европы, долженъ былъ запоздать въ ходѣ своемъ къ совершенству.

Впрочемъ мы еще несовсѣмъ откажемъ себѣ, если не въ совершенномъ Эстетическомъ образованіи, коимъ не многіе изъ народовъ самонадѣятельно могутъ похвалиться, то, по крайней мѣрѣ, въ начальномъ, уже много обѣщающемъ воспитаніи во всемъ изящномъ; а посему и языкъ нашъ не долженъ быть чуждъ тѣхъ совершенствъ, кои требуются въ изящныхъ произведеніяхъ Словесности, — въ твореніяхъ, освященныхъ дарами ума и вкуса. — Такъ языкъ Лириче-

ской нашей Поэзіи, которая едва ли уже не достигла той высоты, на какой она стоитъ у самыхъ образованныхъ народовъ, столь силенъ и величественъ, что грядущимъ поколѣніямъ не остается почти ничего придать къ его совершенствамъ. — Раскроемъ яснѣе причины сему.

Величіе и сила, сіи высокія качества языка, проистекаютъ изъ одного источника. Величіе предполагаетъ силу, — сила проявляется всегда въ формахъ величественныхъ. Однѣ души твердыя и мужественныя могутъ питать чувствованія сильныя и высокія, — одни чувствованія сильныя и высокія облекаются въ формы языка величественнаго и сильнаго. Вотъ простое и естественное начало величія и силы языка! Кто оспоритъ у Россіянъ твердость и мужество духа, тотъ опровергнетъ величіе и силу языка ихъ. Какой народъ сильнѣе и величественнѣе выражалъ Всемогущество Творца? Какіе Стихотворцы возвышеннѣе Ломоносова и Державина прославляли оное? Слѣдующіе стихи, если не превзойдутъ, то навѣрное не усту-

пять самымъ высокимъ мѣстамъ въ Одахъ Грея, Жанъ-Баптиста-Руссо и Клопштока.

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ;
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая,
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ,
И такъ его на распрю звалъ:

Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ:
Гдѣ былъ ты, какъ Я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
Когда Я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть Мою?
Яви премудрость ты свою!

Гдѣ былъ ты, какъ передо Мною
Безчисленны тьмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ,

Мое величество вѣщали,
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?

Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не Я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвинулъ океанъ! . . итд . .

Ломоносовъ. Подражаніе Іову.

Послѣ сего мы смѣло можемъ сказать, что наши духовныя Оды и Гимны станутъ на ряду съ Священными Пѣснопѣніями всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Герои Сѣвера еще во времена глубокой древности любили внимать пѣснямъ Стихотворцевъ, какъ посреди шума и дѣятельности воинской, такъ въ нѣдрахъ тишины и спокойствія. Барды и Скальды, какъ у древнихъ Германцевъ, сопровождали ихъ повсю-

ду, — на полѣ брани, воспламеняя ихъ мужество громкими напоминаніями подвиговъ предковъ, — въ жилищѣ мира, услаждая лѣнивый досугъ нѣжными пѣснями красотѣ и пирамъ.

Новѣйшая Героическая Поэзія Россіянъ *столь же возвышенна и громка, сколь велики и славны подвиги героевъ Россіи*, — сколь удивительны воинскія доблести великодушныхъ сыновъ ея. Блистательный вѣкъ Екатерины В, произведшій рядъ великихъ полководцевъ, былъ цвѣтущимъ вѣкомъ нашей Героической Поэзіи. Возсталъ родившійся на злачныхъ берегахъ Камы Россійскій Бардъ и звуки золотой лиры его достойно превознесли героевъ: Задунайскаго, Таврическаго и Сѣвернаго Аннибала-Суворова! Напрасно говорятъ, что герои наши не имѣли достойныхъ пѣвцовъ: скорѣе согласимся, что они не имѣли достойныхъ жизнеописателей и трудно еще угадать то время, когда родится у насъ свой мудрецъ Херонейскій, который на твердыхъ и несокрушимыхъ скрижаляхъ Кліи предастъ при-

знашельному потомству дѣянія и великіе подвиги знаменитыхъ мужей Россіи. Они давно ожидаютъ пера отечественнаго Плутарха. Лирики же наши: Ломоносовъ, Петровъ, Державинъ, Жуковскій и друг: умѣли воспѣвать современныхъ героевъ и вмѣстѣ съ безсмертными ихъ дѣяніями оставить потомству высокія свои пѣснопѣнія. Державинъ въ смѣломъ полетѣ своемъ досягалъ до той же высоты, на которую возносились герои Екатерины II и Павла I. Кто не познаетъ высиреннаго паренія Поэта-генія въ слѣдующихъ стихахъ, написанныхъ въ честь Генію-полководцу!

Ударь во сребряный, священный,
Далеко-звонкій, Валка! щитъ:
Да громъ твой, эхомъ повторенный,
Въ жилищѣ бардовъ возшумитъ.
Встаютъ. — Сто арфъ звучатъ струнами,
Предъ ними сто дубовъ горятъ,
Отъ чаши круговой зарями
Сѣдыя чела въ тьмѣ блестятъ.

Но кто тамъ бѣлыхъ волнъ туманомъ
Покрытъ по персямъ, по плечамъ,

Въ *стальномъ* доспѣхѣ свѣтитъ *рдяномъ*,
Подобно синя моря льдамъ? —
Кто, на копье склонясь главою,
Событье слушаетъ временъ? —
Не тотъ ли, древле что войною
Потрясъ Парижскихъ твердость стѣнъ?

Такъ, онъ плѣняется Пѣвцами,
Поющими его дѣла,
Смотря, какъ блещетъ битвъ лучами
Сквозь тьму временъ его хвала.
Такъ онъ! — Се Рюрикъ торжествуетъ
Въ Валкалѣ звукъ своихъ побѣдъ
И перстомъ долу показуетъ
На Росса, что по немъ идетъ.

Се мой (гласитъ онъ) воевода
Воспитанный въ огняхъ, во льдахъ,
Вождь бурь полночнаго народа,
Девятый валъ въ морскихъ волнахъ.
Звѣзда, прешедша міра тропы,
Которой слѣдъ огня черты,
Мечь Павловъ, щитъ Царей Европы,
Князь славы!„ Се Суворовъ ты! — и пр.

На побѣды въ Италіи.

Языкъ Державина есть истинный языкъ боговъ и героевъ: онъ столько же силенъ и величественъ, сколько быстръ и возвышенъ полетъ геніальнаго его духа, сколько пылокъ и неукротимъ жаръ творческой его фантазіи. Роскошною рукою богача онъ разсыпаетъ всегда неистощимыя, всегда новыя, всегда изумляющія блескомъ своимъ сокровища, и сіи богатства, сіи безсмѣтныя драгоцѣнности остаются неприкосновенными для похитителей: онѣ суть порожденіе его генія; онѣ освящены печатію ихъ обладателя и въ рукахъ чуждыхъ, подъ перомъ бездарныхъ подражателей дѣлаются невѣрною и подозрительною собственностію. Творенія поэта, его мысли, его чувствованія, имъ созданный языкъ, — все есть священное достояніе народа, неотъемлемая его собственность. Мы съ гордостію произносимъ: „Нашъ Ломоносовъ! Нашъ Державинъ!„

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о прочихъ совершенствахъ Русскаго языка: о Пріятности и Благозвучіи, о Живописности, или Природномъ піитизмѣ онаго. Сіи совершенства могутъ быть не во всякомъ языкѣ, и

посему они болѣе должны придавать достоинствъ тому, въ которомъ мы находимъ оныя. Подъ пріятностію и благозвучіемъ я разумѣю ту непостижимую сладость отдѣльныхъ звуковъ словъ, ту очаровательную гармонію цѣлыхъ выраженій, которая распространяетъ на все сочиненіе Прозаика, или Стихотворца, какой-то тонъ мелодическій, которая сообщаетъ оному какой-то характеръ музыкальный, понятный единственно нѣжнѣйшему изъ нашихъ чувствъ-слуху. Сію сладость отдѣльныхъ звуковъ словъ, сію гармонію цѣлыхъ выраженій составляютъ въ языкѣ, вопервыхъ: свойство буквъ и различное соединеніе оныхъ въ слогахъ; во вторыхъ: искуственное расположеніе словъ въ цѣломъ составѣ рѣчи. Посему пріятность и благозвучіе языка должны зависѣть отъ природнаго свойства онаго и отъ искуства писателей. Въ первомъ отношеніи природа, сія могущественная законодательница, полагаетъ свою неизгладимую печать на словѣ смертныхъ, образуя ихъ органы произношенія по свойству климата обитаемыхъ ими странъ. Она со всею заботливостію нѣжной матери разсыпала свои богатства предъ сча-

стливымъ обитателемъ Юга и раскрыла ему во всей полнотѣ сладкоглаголивыя уста; она же со всею скупостію холодной мачихи скудно надѣлила дарами своими бѣднаго жителя Сѣвера и сжала ему органы слова. Во второмъ отношеніи искусство, сей свято-татьственный Прометеевъ огнь, изглаждаетъ, хотя не совсѣмъ, ту печать, которою природа означаетъ языки обитателей странъ Сѣверныхъ. Оно магическими своими дѣйствіями вознаграждаетъ то, въ чемъ отказываетъ сама природа и такимъ образомъ равняетъ безпечнаго обитателя Юго съ дѣятельнымъ жителемъ Сѣвера; оно же, раскрывая сжатые природою органы слова, изъ косноязычнаго Демосѳена образуетъ краснорѣчиваго Оратора, увлекающаго за собою тысячи волнующагося народа; изъ грубяго, по природнымъ звукамъ, языка творитъ сладостный языкъ Грацій. Непостижимы законы природы! Чудесны дѣйствія искуства!

Русскій языкъ и въ томъ и въ другомъ отношеніи, и въ природномъ свойствѣ своемъ и въ искуственномъ образованіи, имѣетъ особенныя совершенства. Естественное обра-

зованіе звуковъ словъ въ семъ языкѣ не имѣетъ ничего непріятнаго и если мы находимъ въ нѣкоторыхъ словахъ Русскихъ буквы, отзывающіяся грубыми звуками Азіятскими, то онѣ въ общемъ составѣ языка дѣлаются не столько замѣтными; и какой коренной языкъ можетъ быть свободенъ отъ оныхъ совершенно? Въ вознагражденіе сего недостатка искуственное словорасположеніе для усилій даже обыкновенныхъ писателей доступнѣе въ Русскомъ языкѣ, нежели въ какомъ либо другомъ изъ языковъ новѣйшихъ. Сіе свободное словорасположеніе, неподчиненное никакимъ правиламъ строгаго механизма, кромѣ общихъ законовъ Логическаго порядка и стройнаго звукотеченія, приближаетъ языкъ Русскій къ совершенству древнихъ языковъ классическихъ. Многіе изъ нашихъ Стихотворцевъ, писавшихъ по внушенію самихъ Грацій, доказываютъ своими произведеніями, что языкъ Русскій не противенъ симъ вѣчно-юнымъ и вѣчно-прелестнымъ богинямъ и усердныя жертвы, приносимыя имъ истинными талантами, никогда не были ими отвергаемы. Изъ безчисленнаго множества вѣнковъ, повѣшенныхъ

нашими Поэтами на жертвенникѣ Грацій, снимемъ хотя одинъ, поднесенный имъ Батюшковымъ въ стихотвореніи: Радость:

Любимца Кипридина
И миртомъ и розою
Вѣнчайте, о юноши
И дѣвы стыдливыя!
Руками сплетайтеся
И радостно топая,
Скачите и прыгайте!
Мнѣ лиру Тіискую
Камены и Граціи
Вручили съ улыбкою:
И пѣсни веселію,
Пріятнѣе нектара
И слаще амврозіи,
Что пьютъ небожители,
Въ блаженствѣ безпечные,
Польются со струнъ ея!„ итд.

Какъ легокъ, какъ пріятенъ, какъ сладостенъ языкъ сей! Онъ дѣйствительно проникаетъ въ сердцѣ, льется въ душу, — какъ

„ Пѣсни веселію
Пріятнѣе нектара

И

И слаще амврозіи,
Что пьютъ небожители —„

Послѣднее изъ выставленныхъ мною качествъ Русскаго языка — Живописность, или, какъ я прежде выразился, природный Піитизмъ есть также рѣдкое совершенство не многихъ языковъ. Подъ симъ качествомъ, по моему мнѣнію, можно разумѣть тѣ первоначальныя краски и самородные оттѣнки оныхъ, которые сообщаются словамъ и выраженіямъ какъ бы самою природою, безъ всякаго содѣйствія затѣйливаго искуства. Это есть неподражаемый, естественный колоритъ, который сочиненіе получаетъ не отъ руки артиста, не отъ кисти писателя-живописца, но отъ генія самаго языка въ первобытномъ, неискаженномъ его состояніи. Сіе первобытное *состояніе языка*, сей геніальный прототипъ онаго можетъ измѣняться съ политическою и нравственною судьбою народовъ; но если какой либо народъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, при всѣхъ нравственно-политическихъ переворотахъ, не теряетъ первородныхъ оттѣнковъ своего ха-

рактера, то и геній языка его, неразлучный съ его судьбою, удерживаетъ свой первообразъ; въ противномъ случаѣ и тотъ и другой остаются только отличительными признаками духа извѣстнаго вѣка и характеризуютъ извѣстный періодъ въ Исторіи Политической и Литературной.

Всѣ народы, имѣвшіе когда либо, или имѣющіе теперь свое отдѣльное, политическое существованіе, свою чистую и независимую отъ постороннихъ вліяній нравственность и свой національный духъ и характеръ, отличались нѣкогда, или отличаются теперь естественною живописностію, или піитизмомъ языка. Литература Восточная, въ которой болѣе благоухаютъ безъискуственные цвѣты Поэзіи, особенно отличается предъ всѣми прочими симъ прелестнымъ качествомъ. Простота нравовъ и родственная близость обитателей Азіи къ природѣ, отъ которой они и въ самыя блистательныя времена просвѣщенія мало удалялись, даетъ ихъ выраженіямъ мыслей и чувствованій сіи очаровательныя піитическія краски. Такъ пророческій языкъ Евреевъ,

при всей неопредѣлительности и гадательномъ смыслѣ для современниковъ, живописенъ и чувственъ! Такъ языкъ пылкихъ Аравитянъ до временъ Магомета и въ счастливые дни дикой свободы былъ цвѣтущъ и свѣжъ, какъ роскошныя долины счастливаго Емена! Такъ нѣжный и благозвучный языкъ Персовъ пріятенъ и очарователенъ, какъ вѣчно-юныя розы всегда зеленѣющихъ холмовъ Шираза! Литература Западная, въ которой не рѣдко встрѣчаемъ мы благовонные цвѣты Востока, также отличалась нѣкогда природнымъ піитизмомъ языковъ. Южныя Европейскія Государства, въ цвѣтущія времена юности, когда молодая, пылкая жизнь кипѣла полнотою и свѣжестію силъ физическихъ, когда юношеская фантазія играла у всѣхъ народовъ и на всѣ окружающіе предметы, на частную и общественную жизнь, распространяла прелести Поэзіи, имѣли Стихотворцевъ, коихъ пѣсни, внушенныя самою природою, писаны были языкомъ простымъ, необработаннымъ, несовершеннымъ, но по картинамъ, по выраженіямъ и по самому механическому устройству, языкомъ истинно піитическимъ. Стихотворцы сіи воспѣвали

жизнь и подвиги Рыцарей, а сія плѣнительная жизнь, посвященная любви, великодушію и Религіи, — предметамъ самымъ піитическимъ и высокимъ, сама по себѣ, въ голой своей дѣйствительности, безъ всякихъ прикрасъ хитраго вымысла, была истинная Поэзія. Трубадуры, Минстреллы и Миннезенгеры, — первые пѣвцы вѣковъ Рыцарства, открывающіе юношескій періодъ Стихотворства во Франціи, Германіи и Англіи, отличались въ ихъ громкихъ пѣсняхъ болѣе всего Поэзіею описательною, живыми картинами природы, чувственными изображеніями предметовъ самыхъ отвлеченныхъ, словомъ, — естественнымъ піитизмомъ языка.

Сѣверъ Европы, воинственнымъ племенамъ коего многіе несправедливо отказываютъ въ чувствахъ истинно піитическихъ, въ тѣ же самыя времена имѣлъ своихъ Рыцарей и своихъ пѣвцовъ любви, великодушія и славы!

Такъ въ Россіи, почти въ тѣ же вѣки Рыцарства, жилъ безвѣстный пѣвецъ Игоря, оставившій намъ драгоцѣнный памятникъ язы-

ка и Словесности XII столѣтія — *Слово о полку Игоревѣ.* Сія оригинальная Русская Повѣсть *блеститъ яркими цвѣтами* Поэзіи Сѣверной, столь же сильной выраженіемъ и картинами, сколько тверды и мужественны духомъ мощные сыны Полунощи, столь же нѣжной и усладительной естественною пріятностію звуковъ, сколь милы сердцемъ и красивы наружностію прелестныя дѣвы Сѣвера!

Возмемъ нѣсколько строкъ изъ сей единственной Повѣсти, чтобъ видѣть, какъ Русскій языхъ еще въ XII столѣтіи *отличался* естественною живописностію, выраженіями сильными и особенною нѣжностію!

Игорь, Князь Сѣверскій, собираетъ дружину на Половцевъ и ожидаетъ брата Всеволода, чтобъ итти на враговъ. Какою искусною кистью изобразилъ сочинитель шумъ воинскихъ приготовленій! „*Комони ржутъ за Сулою; звенитъ слава въ Кыевѣ; трубы трубятъ въ Новеградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ: Игорь ждетъ мила брата Всеволода.*" Темнота нѣкоторыкъ выраже-

ній для нынѣшняго чистаго Русскаго нарѣчія, требуетъ нѣсколько поясненія „Кони ржутъ за Сулою, звенитъ слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ въ Новѣгородѣ, развѣвающіяся знамена въ Путивлѣ: Игорь ждетъ милаго брата Всеволода!" Какими разительными чертами представлена дружина Всеволода! *И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый, ты Игорю; оба есвѣ Святъславлича. Сѣдлай, брате, свои брьзые комони; а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти Куряни свѣдоми къ мети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конецъ копія въскръмлены, пути имъ свѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють акы сѣрыи влъцы въ полѣ, ищучи себѣ чти, а Князю славѣ.* „И говоритъ ему Богатырь Всеволодъ: Ты Игорь, ты одинъ братъ, одинъ ясный свѣтъ у меня; — оба мы Святославичи. Сѣдлай, милый братъ, своихъ борзыхъ коней, а мои уже готовы, уже осѣдланы впереди у Курска. Мои Куряне мѣтки въ стрѣляніи, подъ звукомъ трубъ повиты, подъ шлемами взлелѣяны, концемъ

копья вскормлены; пути имъ вѣдомы, овраги знаемы, луки у нихъ натянуты, колчаны открыты, сабли изострены, — сами же скачутъ, какъ сѣрые волки въ чистомъ полѣ, ища себѣ чести, а Князю славы." Какая свѣжая, цвѣтущая Поэзія! — Герои Всеволода суть настоящіе Рыцари; — „*ищутъ себѣ чести, а Князю славы!*" Замѣтимъ также простую, но трогательную братскую нѣжность въ словахъ Всеволода: „*Ты Игорь, ты одинъ братъ, одинъ ясный свѣтъ у меня; — оба мы Святославичи.*" Желательно бъ было, чтобъ и въ нынѣшнія времена родные братья изъяснялись такъ нѣжно другъ съ другомъ!

Соединенныя дружины братьевъ — героевъ двинулись, настигли Половцевъ и загорѣлась жестокая битва, продолжавшаяся болѣе двухъ сутокъ. Знамена Игоревы пали. *Бишася день, бишася другый: третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина недоста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русскую.* „Бились

день, бились другой; на трешій къ полудню пали знамена Игоревы. Тушъ, на берегу быстрой Каялы, разлучились брашья; тушъ окончили пиръ храбрые Россіяне: гостей напоили и сами легли за землю Русскую."

Игорь въ плѣну. Плачь Ярославны, нѣжной супруги его, выше всякаго описанія. *Полечю Зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ; утру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ.* „Полечу сѣрой ушицей по Дунаю; омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ, вышру Князю кровавыя его раны на ожесшѣвшемъ его шѣлѣ." Она восходишъ на городскія сшѣны и смошря съ нихъ въ чисшое поле, шакъ изливаешъ горесшь свою: *О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, Господине, насильно вѣеши? Чему мычеши Хановьскыя стрѣлкы на своею не трудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшетъ горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, Господине, мое веселіе по ковылію развѣя.* Жуковскій умѣлъ съ ошличнымъ искусшвомъ воспользовашься красошами сего послѣдняго ошрывка въ слѣдующихъ сшихахъ:

Вотъ, дивной облеченъ броней,
Добрыня — богатырь могучій
И конь его злотокопытъ;
Чрезъ степи и лѣса дремучи
Не скачетъ витязь, а летитъ,
Громя Зилантовъ и Полкановъ
И вѣдьмъ, и чудъ, и великановъ
И въ тайнѣ дѣвица-краса
За дальни степи и лѣса
Во слѣдъ ему летитъ душою:
Склоняся на руку главою,
На путь изъ терема глядитъ,
И такъ въ раздумьи говоритъ:
„О вѣтеръ, вѣтеръ! что ты вьешься,
Ты не отъ милаго несешься,
Ты не принесъ веселья мнѣ!
Играй съ косаткой въ вышинѣ,
По поднебесью съ облаками,
По синю морю съ кораблями —
Стрѣлу пернатую отвѣй
Отъ друга — радости моей!"

Посланіе къ Воейкову.

Вообще въ такъ называемыхъ старинныхъ нашихъ стихотвореніяхъ, коихъ про-

исхожденіе конечно не можетъ отнестись въ такую отдаленность, какъ *Слово о полку Игоревѣ*, но ко временамъ, болѣе ближайшимъ къ нашему вѣку, мы найдемъ богатый, неизчерпаемый источникъ языка, истинно живописнаго, языка собственно піитическаго, коего красоты, забытыя, такъ сказать, новѣйшими Стихотворцами, могли бы, если неусугубить совершенствъ языка нашего въ нынѣшнемъ его состояніи, то, по крайней мѣрѣ, много содѣйствовать онымъ.

Языкъ нашихъ старинныхъ сказокъ и пѣсенъ отличается какою-то неподражаемою простотою, понятною единственно для сердца собственно Русскаго; какою-то особенною народностію, въ которой ясно изображается духъ, нравы, обычаи, игры и веселья, утѣхи и радости, печаль и горе, словомъ, — вся жизнь и весь бытъ Русской. Въ немъ слышны чистые звуки сердца Русскаго и блеститъ игра настоящаго ума Русскаго. Кромѣ сего онъ имѣетъ свою особенную піитическую живописность, которая, подобно всему характерному и народному, не можетъ

быть выражена ни на какомъ языкѣ: она остается недоступною для перевода и есть неприкосновенное богатство національной Словесности. Для примѣра возмемъ нѣсколько стиховъ изъ самой простой народной Русской пѣсни!

Ты зазноба, ты зазнобушка,
Ты прилука молодецкая,
Красна дѣвица, отецка дочь!
Твои очи соколиныя,
Твои брови соболиныя,
Руса коса, красота твоя,
Приманила къ себѣ молодца,
Прилучила безталаннаго!

Надобно быть непремѣнно Русскимъ не по одному происхожденію, не по одному названію, но по духу и чувствамъ; надобно глубоко спуститься въ самый рудникъ языка и самому достать сіе золото, самому переплавить оное, чтобъ знать ему надлежащую цѣну. Надобно коротко освоиться съ простымъ, народнымъ нарѣчіемъ, чтобы понимать, что означаютъ слова: *зазноба-зазнобушка*; что, *прилука молодецкая*, — и

даже еще простѣйшія: *Красна дѣвица — отецка дочь.* Слѣдующіе, собственно Русскіе эпитеты къ очамъ и къ бровямъ красавицы, живописны и выразительны:

Твои очи *соколиныя*,
Твои брови *соболиныя*, —

равно какъ и остальные стихи:

Руса коса, красота твоя,
Приманила къ себѣ молодца,
Прилучила безталаннаго.

Для модныхъ любителей новѣйшей Поэзіи сіи простые и живописные стихи покажутся устарѣлыми, выраженія низкими и простонародными, описанія грубыми, картины неизящными. Таковымъ любителямъ нехудо прочитать стихотвореніе Державина: *Русскія дѣвицы*, въ которомъ онъ тѣми же красками довершилъ описаніе красавицъ Сѣверныхъ.

Зрѣлъ ты пѣвецъ Тіискій,
Какъ въ лугу весной бычка
Пляшутъ дѣвушки Россійски
Подъ свирѣлью Пастушка?

Какъ, склонясь главами, ходятъ,
Башмаками въ ладъ стучатъ,
Тихо руки, взоръ поводятъ,
И плечами говорятъ?
Какъ ихъ лентами златыми
Челы бѣлыя блестятъ, —
Подъ жемчугами драгими
Груди нѣжныя дышатъ?
Какъ сквозь жилки голубыя
Льется разовая кровь,
На ланитахъ огневыя
Ямки врѣзала любовь?
Какъ ихъ *броси соболины*,
Полный искръ *соколій взглядъ*,
Ихъ усмѣшка — души львины
И орловъ сердца разятъ?
Коль бы видѣлъ дѣвъ сихъ красныхъ,
Тыбъ Гречанокъ позабылъ,
И на крыльяхъ сладострастныхъ
Твой Эротъ прикованъ былъ.

Я не говорю уже о прочихъ красотахъ языка сего, которыя родились не изъ подражанія языкамъ иностраннымъ, которыя не переселены съ чуждой и несвойственной по чвы иноземной, но выросли и разцвѣли на ро-

дной землѣ, подъ роднымъ, отечественнымъ небомъ, при вліяніи лучей Русскаго солнца. Таковы суть красоты слѣдующихъ стиховъ:

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй тоска въ ретиво сердце;
Не сходить туману съ синя моря;
Ужъ не выдти кручинѣ изъ сердца вонъ!

Или слѣдующихъ:

Нерости въ пустынѣ хмѣлю безъ подпоры!
Не цвѣсти цвѣтамъ подъ солнушкомъ осеннимъ!
Мнѣ не жить младой безъ милаго дружечка!

Или слѣдующихъ:

Ужъ какъ ягодѣ калинушкѣ
Не бывать во вѣкъ малинушкой,
Не живать такъ горемышному
Вѣкъ во счастьи и во радости! ипр.

Къ сожалѣнію новѣйшіе наши Стихотворцы не хотятъ пользоваться сими богатствами. Увлекаясь болѣе моднымъ тономъ Поэзіи Романтической, занесенной къ намъ изъ чужбины, они создаютъ себѣ языкъ новый, языкъ отвлеченный, отличающійся ка-

кимъ то мечтательнымъ мистицизмомъ — и, желая послѣдовать, постыдно дразнятъ Ламартина, Мура и Байрона! Весьма не многіе, постигши совершенно весь духъ языка Русскаго и характеръ настоящаго Русскаго стихосложенія, пытались строить лиры свои подъ настоящій Русскій напѣвъ и ихъ опыты были весьма удачны. Къ таковымъ можно отнести *Илью Муромца* Карамзина, *Громсала* Каменева и нѣкоторыя стихотворенія Востокова. Старинныя наши пѣсни возродились было и ожили во всей красотѣ подъ перомъ Дельвига, но ранняя смерть похитила юнаго пѣвца съ Русскаго Парнасса, а съ нимъ, вѣроятно, умолкнутъ навсегда и звуки Русской старины, пробужденные единственно его талантомъ.

Послѣ сего краткаго и во многомъ, можетъ быть, недостаточнаго показанія Литературныхъ совершенствъ языка Русскаго, не трудно будетъ намъ Пп. Сс. сдѣлать объ ономъ слѣдующее, общее, болѣе снисходительное, нежели строгое, замѣчаніе: въ Русскомъ языкѣ и при настоящемъ, уже довольно образованномъ состояніи онаго, мы

не должны искать совершенной легкости и утонченной гибкости языка Французскаго, классической учености языка Нѣмецкаго, строгой точности и опредѣлительности Англійскаго, очаровательной музыкальности и сладкозвучія Итальянскаго; но, при всемъ томъ, если Французскимъ языкомъ хорошо объясняться, кружась на паркетѣ въ легкихъ танцахъ, Нѣмецкимъ въ уединенной глуши ученаго кабинета, Англійскимъ шипѣть и свистѣть, согласясь съ шумомъ морскаго вѣтра, Итальянскимъ пѣть сладкіе Сонеты и аріи, то Русскимъ, мнѣ кажется, можно говорить и писать все, что угодно. Скажетъ иначе: Въ Русскомъ языкѣ есть въ нѣкоторой степени и легкость Французская и ученость Нѣмецкая и опредѣлительность Англійская и благозвучіе Итальянское. Сему доказательствомъ послужатъ образцовыя произведенія первостепенныхъ нашихъ писателей, изъ коихъ каждый, болѣе или менѣе, содѣйствовалъ совершенствамъ языка, всѣ же они вообще дали ему извѣстный, опредѣлительный характеръ, по которому онъ, если не теперь, то уже скоро будетъ и-

мѣть

мѣть право требовать себѣ почетной степени между языками самыми образованными.

Хотя Литературныя наши лѣтописи не столь обширны и многочисленны, какъ у прочихъ народовъ Европы, но мы имѣемъ довольно надежныхъ представителей, кои могутъ доставить нашей Словесности степень Литературы Европейской. Сіи представители суть:

Князь Антіохъ Кантемиръ, счастливый подражатель Горація въ его неподражаемыхъ сатирахъ. *Ломоносовъ*, — творецъ новой нашей Поэзіи и Прозы Ораторской, который изъ бѣдной рыбачьей хижины шагнулъ въ Академію наукъ. *Сумароковъ*, первый образователь Русской сцены и Поэзіи Драматической. *Херасковъ*, создавшій Русскую Эпопею. *Богдановичъ*, съ Душенькою въ рукахъ сѣвшій въ храмѣ Аполлона рядомъ съ Люціемъ Апулеемъ и Лафонтеномъ. *Хемницеръ*, *Дмитріевъ* и *Крыловъ*, опасные соперники Баснописцевъ Франціи и Германіи. *Державинъ*, высокій пѣвецъ Бога и героевъ, срывавшій нерѣдко роскошные цвѣты Ана-

креоновы. *Карамзинъ*, преобразователь языка Русскаго, воззвавшій изъ мрачнаго хаоса лѣтописей Исторію Государства Россійскаго. *Озеровъ*, чувствительный сынъ Мельпомены, заплатившій жизнію за счастливые свои опыты. *Жуковскій*, на громкой лирѣ Барда воспѣвшій героевъ, защитниковъ и мстителей отечества въ войну 1812 года, — творецъ Поэзіи Романтической и милый нашъ Балладникъ, идущій по слѣдамъ Гёте и Шиллера. *Батюшковъ*, счастливый питомецъ Италіи, нѣжный пѣвецъ Тасса, похитившій у Петрарки сладость языка Грацій. *Гнѣдичъ*, передавшій намъ богатымъ размѣромъ подлинника Иліаду Гомера. *Александръ Пушкинъ*, юный баловень Музъ, произведшій своимъ геніемъ значительный переворотъ въ Поэзіи новѣйшей и деспотически влекущій за собою многочисленныя толпы обожателей и поклонниковъ. *Козловъ*, счастливый слѣпецъ, яснымъ и проницательнымъ взоромъ фантазіи созерцающій тайныя прелести Піеридъ. Вотъ первокласные наши Писатели-поэты! Но какое множество стоитъ еще за сими могучими представителями нашей Словесности! Я умалчиваю объ нихъ потому, что

строгая критика и здравый вкусъ еще не оцѣнили достойно ихъ произведенiй.

Бросивъ быстрый взглядъ на главнѣйшихъ образователей языка Русскаго, представимъ также въ краткихъ чертахъ общiй ходъ образованiя народнаго, съ которымъ, какъ извѣстно, неразлучно соединены успѣхи наукъ и Словесности.

Первоначальная эпоха народнаго образованiя началась въ Россiи со времени введенiя въ оную Христiанской Религiи. Хилая Восточная Имперiя, не могущая поддерживать изнуреннаго дряхлостiю бытiя своего, какъ бы пророческимъ назначенiемъ, избравъ достойными преемниками своего величiя и славы Россiянъ, вмѣстѣ съ таинствами Св. Откровенiя, передала имъ сокровища разума, просвѣщеннаго Христiанскою Вѣрою. Какiя богатства ума и сердца открылись взорамъ обновленныхъ душею и тѣломъ язычниковъ! Сколько новыхъ понятiй, сколько новыхъ мыслей, сколько новыхъ чувствованiй родилось у новыхъ Христiанъ! и всѣ сiи понятiя, всѣ сiи мысли и чувствованiя обогащали юные умы ихъ! Верховное Духовенство Гре-

ческое, принявшее на себя священную обязанность наставниковъ народа, вмѣстѣ съ душеспасительнымъ ученіемъ Св. Вѣры, начало распространять необходимое образованіе ума. Возникли народныя училища и просвѣщеніе, получивъ твердое основаніе на камени Вѣры, пошло было къ совершенству твердою и непоколебимою стопою; но несчастная система удѣловъ, безсмысленное порожденіе вѣковъ среднихъ, и наслѣдственныя вражды Князей остановили быстрый ходъ онаго, а чуждое владычество, необходимое слѣдствіе несогласія и раздоровъ внутреннихъ, низпровергло все совершенно. Яркая заря наукъ, едва только занявшаяся, помрачена была черными тучами невѣжества, налетѣвшими къ намъ съ Востока съ дикими ордами Монголовъ и покрывшими горизонтъ нашего отечества почти на два съ половиною вѣка. Въ сіи времена политическихъ бурь, при тягостномъ игѣ рабства, при постыдномъ униженіи всѣхъ умственныхъ силъ народа, слабый огнь просвѣщенія едва тлился подъ пепломъ свободы и въ мирныхъ Обителяхъ трудолюбивыхъ иноковъ. Самый языкъ, искажаемый примѣсью словъ Татарскихъ, едва

не оскудѣлъ и только одинъ Священный языкъ Библейскій, будучи неприкосновененъ для богохульныхъ устъ грубыхъ поклонниковъ Магомеда, уцѣлѣлъ во всей чистотѣ своей и остался высокимъ образцемъ совершенствъ языка Русскаго. Наконецъ приспѣли времена свободы! Дмитрій Донской и Іоаннъ III, разорвавъ желѣзныя цѣпи унизительнаго рабства, бросили ихъ на главу гордыхъ Хановъ и тяжесть цѣпей сихъ, пала во времена Іоанна IV на послѣднія глѣздилища Татаръ — Казань и Астрахань. Такимъ образомъ твердость Вѣры и крѣпость народнаго духа разогнали грубыхъ властителей, а съ ними и густыя тучи невѣжества начали рѣдѣть; но смрадный туманъ, оставшійся послѣ оныхъ, еще долго носился по небосклову Россіи и поздно, поздно взошла новая заря наукъ, но за то, послѣ бурь и волненья, блескъ ея краше, пурпуровые лучи ярче и блистательнѣе, свѣтъ ея постояннѣе и надежнѣе: она привела за собою утро веселѣе и радостнѣе и обѣщаетъ намъ полдень теплѣе и спокойнѣе.

Петръ I, могучею рукою генія сорвавъ съ Россіи вмѣстѣ съ Азіятскою одеждою,

Азіатскую грубость и невѣжество, приблизилъ ее къ образованной Европѣ. Снова возникли науки и художества, снова возродился языкъ и оживилась Словесность. Сокровища учености Европейской начали обогащать Литературу Русскую; открылся рядъ даровитыхъ писателей, отъ Кантемира до Пушкина, и образованіе народное, при великодушномъ содѣйствіи блюстителей спокойствія, счастія и благосостоянія Россіи въ одно столѣтіе вознеслось съ ея политическимъ величіемъ на степень настоящаго его совершенства. Но кто сіи великодушные блюстители? Кто сіи благодѣтельные геніи Россіи? Ея мудрые Монархи, между коими въ лучезарномъ сіяніи блестятъ Петръ I, Екатерина II и Александръ I . . . . Остановимся Слушатели! . . . . Ликъ Благословеннаго передъ нами! . . . . Да будетъ память Его священна во вѣки! . . . . Онъ съ высоты трона Своего часто нисходилъ въ святилища наукъ и Монаршими Своими милостями ободрялъ достойныхъ ревнителей просвѣщенія. Часто, оставляя величіе и блескъ порфиры, подъ скромною мантіею мудреца, входилъ въ мирныя обители наукъ и благосклонно бесѣдовалъ съ пытливыми тружениками оныхъ.

Даже и тогда, когда Государства Европы, разгромленныя чудовищнымъ исполиномъ Франціи, думали уже не о просвѣщеніи, а только о спасеніи бренныхъ остатковъ ихъ существованія, простирая къ Благословенному умоляющія руки, и тогда, говорю, Онъ не забывалъ, что прочное благосостояніе народовъ зиждется единственно на краеугольныхъ камняхъ умственнаго и нравственнаго образованія. Но къ чему выставлять примѣры общіе и отдаленные! Мы имѣемъ множество частныхъ и ближайшихъ. Мы найдемъ ихъ между нами, передъ нашими глазами, въ семъ нынѣ обновляемомъ нами храмѣ наукъ. Не носитъ ли каждый изъ присутствующихъ здѣсь маститыхъ жрецовъ храма сего знаковъ Высочайшаго Его къ себѣ вниманія? Не благословляетъ ли каждый изъ насъ великихъ щедротъ Александра I. . . . . Да будетъ сему вѣчнымъ свидѣтельствомъ сей священный памятникъ, воздвигнутый благодарными сердцами *Отцу Отечества и Академіи.*

Коль Музы чтутъ Монарха ликъ священный,

То слава прогремитъ во всѣхъ концахъ
Вселенной! *)

Державный БРАТЪ Благословеннаго грядетъ по стопамъ Его. ОНЪ твердою рукою вписываетъ славное имя СВОЕ въ вѣчныя хартіи Исторіи между именами великихъ Монарховъ, не только Россіи, но всѣхъ странъ, вѣковъ и народовъ! Но какія лѣтописи должны болѣе прославлять НИКОЛАЯ I, какъ не лѣтописи Университета Финляндскаго, на которомъ болѣе, нежели на какомъ другомъ заведеніи въ самой Россіи, ознаменованы Его щедроты и великодушіе? . . . .

---

*) На колосальномъ бюстѣ Блаженной памяти Государя Императора Александра I, поставленномъ въ публичномъ Университетскомъ залѣ, начертана слѣдующая надпись:

ALEXANDER I,
patriæ
et
Academiæ pater
MDCCCXV
Effigiem musæ servant
It fama per orbem.

Когда неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго угодно было послать горестное испытаніе на жителей Або и ужаснымъ пожаромъ превратить въ кучу пепла и развалинъ весь городъ и вмѣстѣ съ нимъ древнее зданіе Университета, сердобольный Монархъ, среди мудрыхъ и истинно отеческихъ попеченій о благѣ народовъ, ввѣренныхъ Ему провидѣніемъ, Высочайше соизволилъ возвзвать Университетъ изъ пепла и развалинъ, и переселивъ его на новое мѣсто, дать оному, подъ священнымъ названіемъ имени Благословеннаго новую жизнь, новыя силы и новую дѣятельность. Щедроты Александра I, изліянныя на Университетъ Абовскій были велики; щедроты Николая I, изліянныя на Университетъ Александровскій безпредѣльны. ОНЪ, при самомъ возшествіи своемъ на Всероссійскій Престолъ, болѣе приблизилъ къ СВОЕМУ священному трону Университетъ, поставивъ главою онаго первороднаго СВОЕГО сына — высокаго нашего Канцлера Его Императорское Высочество, Государя Наслѣдника,

Цесаревича и Великаго Князя Александра Николаевича! ОНЪ, среди шума воинскаго, исполнилъ высокую мысль Александра I, давъ Университету новое образованіе и новый Статутъ, которымъ будущее существованіе сего высшаго учебнаго заведенія и трудолюбивыхъ членовъ онаго, обезпечено постановленіями твердыми и благодѣтельными. По ЕГО Монаршему мановенію возрожденный изъ пепла нашъ юный фениксъ гордо возносится теперь къ обла-камъ и красуется своимъ величіемъ предъ всѣми зданіями города. Чѣмъ же возблагодаримъ мы, Почтеннѣйшіе Слушатели, Нашего Всемилостивѣйшаго Государя за всѣ сіи Высочайшія Его къ намъ благодѣянія? . . . Чѣмъ превознесемъ Монарха — Возстановителя, Монарха — Преобразователя, Монарха — Благотворителя?... Слово мое, какъ слово человѣческое, безсильно и слабо: оно не можетъ вполнѣ выразить тѣхъ чувствованій, коими пламенѣютъ къ НЕМУ признательныя сердца наши. Соединимъ лучше всѣ наши желанія, всѣ наши обѣты, всѣ наши чувствованія въ одну усердную и теплую молитву къ Царю Ца-

рей и общимъ голосомъ произнесемъ ее предъ Всевышнимъ! . . . .

Боже! ЦАРЯ храни!
Славному долги дни
Дай на земли!

Гордыхъ Смирителю,
Слабыхъ Хранителю,
Всѣхъ Утѣшителю
Все низпошли! . . . .

